

ЛЕДИ-АСТРОНАВТ

Вычисляя звезды

Рок небес

The Relentless Moon

Mary Robinette Kowal

THE FATED SKY

Мэри Робинетт Коваль

РОК НЕБЕС

fanzon

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
К56

Mary Robinette Kowal
THE FATED SKY

Copyright © 2018 by Mary Robinette Kowal

Fanzon Publishers
An imprint of
Eksmo Publishing House

Illustrations by GREGORY MANCHESS

Перевод *Екатерины Зудовой*

Дизайн *Елены Куликовой*

Коваль, Мэри Робинетт.

К56 Рок небес / Мэри Робинетт Коваль ; [перевод с английского Е. Зудовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-194797-2

Спустя почти десять лет после первого своего полета на Луну Элма Йорк работает на лунной базе. Планируется экспедиция на Марс. Но на Земле ширится протестное движение «Первоземельщиков», и финансирование миссии сокращается. Элма хочет остаться на Земле, с мужем, и обрести нормальную семью, а опасное путешествие займет три года. Но ее влечет новая планета, и именно ее усилия смогут спасти миссию от отмены.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Е. Зудова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194797-2

*Посвящается моей племяннице Лоре Олафсон,
которая смело идет вперед.*

Когда помочь себе ты можешь сам,
Зачем взывать с мольбою к небесам?
Нам выбор дан. Те правы, что посмели;
Кто духом слаб, тот не достигнет цели.
Любимый так высок, я так низка,
Взираю на него издалека.
Но большие, чем скромность и величье,
Природа может сочетать различья.
«Несбыточно!» — так говорит лишь тот,
Кто мешкает, колеблется и ждет.
Возможно ль, чтоб любовь не победила,
Когда в ней есть и мужество, и сила?
Болезнь монарха... Ошибусь ли я?
Но я решилась. Мысль тверда моя!
— Елена. «Конец — делу венец»

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР¹

¹ Перевод М. Донского (здесь и далее прим. пер.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ МАК ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ОТ СОКРАЩЕНИЙ БЮДЖЕТА

Автор: Джон У. Финни

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НЭШНЛ ТАЙМС»
16 АВГУСТА 1961 г.

Сегодня Гораций Клемонс, глава Международной космической коалиции, предостерег Организацию Объединенных Наций, заявив, что любые сокращения и без того минимального бюджета на освоение космоса приведут к невозможности провести пилотируемый полет с высадкой на Марс в этом десятилетии. Он также предупредил, что любые отсрочки в плане программы освоения Красной планеты повысят стоимость первой экспедиции на Марс, которая на настоящий момент, согласно расчетам, составляет 20 миллиардов долларов США. Клемонс заявил, что в результате сокращения годового бюджета на 600 миллионов, произведенного Конгрессом Соединенных Штатов Америки, МАК пришлось пожертвовать «страховкой», которая была включена в программу «на случай непредвиденных и непреодолимых технических проблем», а также отложить крайне важные экспериментальные полеты на космическом корабле «Сигнус».

А вы помните, где вы были, когда зонд «Дружба» достиг Марса? Я собиралась возвращаться с Луны. Я тогда находилась на базе «Артемиды» на трехмесячной вахте и возила геологов из нашей крошечной колонии на изыскания в разных районах.

Хотя всех нас называли космонавтами, только несколько человек были пилотами. Под этим гордым званием я имею в виду славную профессию водителя автобуса. Остальные две сотни «жителей» базы приходили и уходили: зависело это от требуемой квалификации. И только около пятидесяти человек были постоянными обитателями подземных бункеров, которые мы называли своим домом.

Вместе с половиной обитателей базы я то ли прыгала, то ли шагала по погребенной под поверхностью Луны трубе, похожей на кротовый ход. Эту трубу мы прозвали «Бейкер-стрит», а вела она к нашему «Мидтауну»¹. Из-за отсутствия вокруг Луны плотной газовой оболочки, которая могла бы защитить нас от космического излучения, нам пришлось поскрести грунт и зарыть трубы-тоннели в слое реголита. С точки зрения эстетики экстерьер базы напоминал разрушающийся замок из песка. Внутри же почти все поверхности были покрыты гладким прорезиненным слоем, в котором то тут, то там мелькали световые шахты, алюминиевые опоры и гермостворки.

Одна из дверей с шипением открылась, и из нее, держась за ручку, выскочила Николь. Потом она потянула ее обратно и плотно закрыла за собой.

Я широко расставила ноги, чтобы не улететь вперед после последнего приземления. Николь прилетела сюда по ротации на последнем корабле, и я была чертовски рада ее видеть.

— Доброе утро.

— А я думала, ты уже должна лететь на Землю.

Как и я сама, Николь была в легком герметичном комбинезоне, а к поясу у нее крепился прорезиненный защитный шлем — прямо как противогаз в военное время. Не ахти какая защита, но в случае внезапной разгерметизации труб эти штуки могли подарить нам десять минут на то, чтобы мы добрались до безопасного места.

¹ Бейкер-стрит — одна из самых знаменитых и оживленных улиц Лондона. Мидтаун — центральный район Лондона и сердце британской столицы.

— Так и есть, но я не могла пропустить высадку первого зонда на Марсе. — В тот момент я несла вахту в должности второго пилота маленького челнока, направившегося с базы на орбитальную станцию под названием «Лунетта», принадлежавшую МАК. По правде говоря, это был всего-навсего космический автобус, но все большие звездолеты вроде кораблей класса «Солярис», направлявшихся с «Лунетты» на Землю, управлялись мужчинами. Впрочем, я не воспринимаю это близко к сердцу, ничего такого. Я похлопала ладонью по вещевому мешку, который висел у меня на плече. — После этого я сразу полечу на «Лунетту».

— Передай от меня привет горячему душу. — Мы вместе отправились дальше по Бейкер-стрит, передвигаясь длинными прыжками. — Как думаешь, мы увидим марсиан?

— Вряд ли. Планета кажется такой же пустой, как и Луна. По крайней мере, на снимках с орбиты. — Мы добрались до конца туннеля. Показатели перепада давления на панели у двери обещали 0,34 бара, так что я нажала на трещоточную рукоять, чтобы открыть створку. — Натаниэль говорит, что он себе клыки вырвет, если там и впрямь обнаружатся марсиане.

— Весьма... выразительно. Кстати говоря, как у него дела?

— Хорошо. — Я потянула дверь. — Он в последнее время только и говорит, что о... м-м-м... запуске ракет.

Николь со смехом скользнула в шлюзовый отсек, отделявший Бейкер-стрит от Мидтауна.

— Seriously, вы двое будто новобрачные.

— Да я даже дома не бываю!

— Надо тебе его снова сюда позвать в гости. — Она подмигнула. — Сейчас ведь уже есть вариант с отдельным жилым модулем.

— Да... Только вам с сенатором надо посерьезнее отнестись к той проблеме, что вентиляция слишком хорошо проводит звук.

Я начала толкать люк обратно.

— Подержите дверь!

Со стороны Бейкер-стрит к нам приближался неровными прыжками Юджин Линдхольм. Если вдруг вам никогда не дово-

дилось видеть, как люди передвигаются в условиях слабой гравитации, то выглядит это примерно так, как если бы маленький и еще неуклюжий ребенок скакал со скоростью гепарда.

Я открыла дверь пошире. Юджин неловко скорректировал курс и врезался головой прямо в косяк, пролетая через проем.

— Ты в порядке?

Николь ухватила его за руку, не давая улететь дальше.

— Спасибо.

Он прижался одной рукой к потолку, чтобы восстановить равновесие. В другой руке он держал стопку бумаг.

Николь бросила на меня беглый взгляд, а затем двинулась к люку, который вел в Мидтаун. Я кивнула и закрыла дверь, выходящую на Бейкер-стрит, но Николь к своему люку не притронулась.

— Что ж... Юджин. Как человек, который летает с Паркером... — Она кивнула головой на бумаги в его руке: — Ты не хочешь «случайно» что-то из этого выронить?

Он ухмыльнулся.

— Если ты вдруг надеешься увидеть график дежурств, у меня тут всего лишь вырезки рецептов для Миртл.

— Проклятье.

Она открыла люк, и мы направились в Мидтаун.

От перепада давления на нас хлынул запах, который весьма редко можно встретить на Луне. Глинистый, яркий и теплый аромат воды. В центре колонии был широкий открытый купол, куда через светофильтр проникал свет, питавший растения. Это строение стало первым постоянным сооружением на базе.

Территория вдоль стен была поделена на жилые модули. Порой мне хотелось снова спать там, но новые помещения для пилотов были очень удобно расположены — рядом с аэродромом. В других модулях, помимо всего прочего, находились офисы и наш единственный ресторан. Еще тут были барбершоп, магазин секонд-хенда и «музей искусства».

В самом центре приютился крошечный «парк». Этот самый парк занимал площадь не больше двух широких кроватей, а в его центре пролегла тропинка. Но тут было зелено.

Что же мы выращивали в этой всеми силами окультуренной почве? Одуванчики. Оказалось, что при правильном приготовлении они довольно вкусные и питательные. Еще один всеобщий любимчик — опунция. У нее очень красивые цветки со сладкими стручками и плоские листья-подушечки, которые можно пожарить или запечь. Выходит, что многие сорняки отлично годятся для выращивания в бедной почве.

— Вот это да! — Юджин хлопнул себя по бедру. — Одуванчики вовсю цветут. Миртл угрожала попробовать свои силы в изготовлении вина из одуванчиков.

— Под словом «угрожала» ты имеешь в виду «обещала»? — Николь проскакала мимо грядок. — Ах да, Эльма, когда вернешься домой, можешь еще передать от меня привет сухому мартини.

— Сделаю двойной.

Я думала, что мы станем одними из первых поселенцев на Луне вместе с Натаниэлем, но после строительства базы «Артемиды» коалиция переключила свое внимание на освоение Марса, и ему пришлось остаться на Земле для разработки планов.

В МАК только и разговоров, что о Марсе. О нем говорили вычислители, корпевшие над уравнениями. Перфораторщицы, вбивавшие бесконечные строки кода. Сотрудницы столовой, раскладывавшие по тарелкам картофельное пюре и зеленый горошек. Натаниэль со своими расчетами... Марс захватил всех.

И на Луне дело обстояло точно так же. В дальнем углу Мидтауна из центра запуска выволокли огромный экран диаметром сто двадцать сантиметров и соорудили для него что-то вроде подиума. Перед телевизором, судя по всему, собралась добрая половина всей колонии.

Хиллиарды притащили плед и организовали что-то вроде пикника. Но они не единственные решили превратить все это дело в вечеринку. Чаны, Бхатрами и Рамиресы тоже расположились на земле вокруг подиума. Ни у кого еще не было детей, но в остальном возникла иллюзия почти настоящего города.

Миртл тоже раскинула плед. Она помахала Юджину. Он улыбнулся и помахал ей в ответ.

— А вот и она. Дамы, не хотите ли присоединиться? На пледе всем места хватит.

— Спасибо! Было бы здорово.

Я прошла за ним к пледу, который, судя по всему, был шит из лоскутков старой формы, и устроилась бок о бок с Юджином и Миртл. Она постригла волосы, сменив пышный начес на прическу, чуть более подходящую для Луны, поскольку аэрозоли в космосе — не лучшая идея. Они с Юджином добровольно вызвались стать постоянными местными обитателями. Я ужасно по ним скучала, когда была на Земле.

— Тихо! — прокричал голос из толпы, прервав ропот всеобщих разговоров. — Начинается.

Я поднялась на колени, выглядывая из-за голов сидевших впереди. На зернистом черно-белом экране шло прямое вещание из центра управления полетами в Канзасе, хотя до нас оно доходило с задержкой в 1,3 секунды. Я внимательно всматривалась в каждый кадр, выискивая Натаниэля. Я любила свою работу, но месяцами находиться вдали от мужа было непросто. Иногда я даже подумывала о том, чтобы уволиться и вернуться к расчетам.

На экране я видела Басиру, которая упорно трудилась над уравнениями, а телетайп в это время выплевывал страницы. Она провела жирную черту под одним числом и подняла голову.

— Судя по доплеровским сигналам, произошел второй этап отстыковки.

Сердце быстро забилося у меня в груди, ведь это означало, что зонд вот-вот войдет в атмосферу Марса. Точнее, уже вошел. Самое странное здесь было вот что. Все данные, которые Басира получала с Марса, сообщали о том, что произошло двадцать минут назад. Миссия уже завершилась успехом или провалилась.

Двадцать минут назад... Я взглянула на наручные часы. Сколько у меня еще есть времени, прежде чем придется поспешить в ангар?

Из динамиков телевизора раздался голос Натаниэля, и я с тоской вздохнула.

— Вход в атмосферу через три, два, один... Скорость 117 000 километров. Дальность полета до места приземления — 703 километра. Ожидаемое раскрытие парашюта через пять секунд. Четыре. Три. Два. Один. Пуск. Ждем подтверждения...

Казалось, все находившиеся под куполом задержали дыхание. Все замерло, и в воздухе слышалось только нескончаемое, тихое гудение вентиляторов. Я наклонилась в сторону экрана, как будто надеясь разглядеть цифры, выходящие из телетайпа, или помочь Басире с математическими вычислениями. Хотя, по правде говоря, прошло уже четыре года с моего ухода из вычислительного отдела, когда мне приходилось работать с чем-то посерьезнее базовой астродинамики.

— Подтверждаю раскрытие парашюта. Мы засекли парашют.

Кто-то издал радостный вопль. Мы еще не опустились на поверхность, но... ох, мы были так близки. Я обернула пальцы краешком пледа, сжимая его так сильно, словно могла таким образом управлять зондом.

— Ждем от аппарата подтверждения, что запущена тормозная двигательная установка.

И сейчас Натаниэль тоже говорил о чем-то, что уже произошло двадцать минут назад, в то время как я слушала его голос из прошлого — 1,3 секунды назад. Превратности космоса.

— К этому моменту зонд уже должен был приземлиться.

Пожалуйста, о, пожалуйста, пусть он будет прав. Потому что, если с высадкой произойдет неудача, всей марсианской миссии сразу же и надолго придет конец. Я снова взглянула на часы. Он должен уже объявлять о подтверждении посадки, но секунды шли, а объявления все не было.

— Оставайтесь на связи. Мы ожидаем подтверждения от сети дальней космической связи и ретранслятора «Лунетты».

Натаниэля больше не показывали, но я представляла, как он стоит за своим столом, так сильно сжимая в руке карандаш, что тот в любую секунду мог треснуть.

Раздался гудок.

Рядом со мной Николь резко втянула носом воздух.